

СРЕДОВЫЕ ФАКТОРЫ В АРХИТЕКТУРЕ

Научная статья

УДК/UDC 74:711.06:316.7(476-25)

DOI: 10.24412/1998-4839-2026-1-201-216

EDN: RZNUBA

CC BY-NC-SA 4.0

Концепция «средового палимпсеста»: путь от конфликта эпох к диалогу в постсоветском городе (на примере Минска)**Никита Сергеевич Зайцев¹, Татьяна Олеговна Шулика²**^{1,2}Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия¹ticketless18@gmail.com, ²shulika-taf@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена представлению авторской концепции «средового палимпсеста» как инструмента для анализа и трансформации городской среды, направленного на проявление и актуализацию многослойной идентичности постсоветских городов. В основе концепции лежит урбанистическая метафора «город как палимпсест», констатирующая многослойность как результат исторического развития. Для постсоветских городов характерен не диалог, а конфликт этих слоёв, ведущий к утрате культурной, архитектурной и национальной идентичности. Предлагаемая концепция выступает как новый инструмент для преодоления этого конфликта. Апробация на примере Минска демонстрирует, как концепция «средового палимпсеста» позволяет превратить конфликт в ресурс для проявления и конструирования идентичности в условиях постсоветской социокультурной реальности.

Ключевые слова: постсоветский город, средовой палимпсест, городская идентичность, городская среда, Минск

Для цитирования: Зайцев Н.С. Концепция «средового палимпсеста»: путь от конфликта эпох к диалогу в постсоветском городе (на примере Минска) / Н.С. Зайцев, Т.О. Шулика // Architecture and Modern Information Technologies. 2026. № 1(74). С. 201-216. URL: https://marhi.ru/AMIT/2026/1kvart26/PDF/13_zaitsev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2026-1-201-216 EDN: RZNUBA

ENVIRONMENTAL FACTORS IN ARCHITECTURE

Original article

The concept of «environmental palimpsest»: the way from conflict of epochs to dialogue in a post-Soviet city (the case of Minsk)**Nikita S. Zaitsev¹, Tatiana O. Shulika²**^{1,2}Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia¹ticketless18@gmail.com, ²shulika-taf@yandex.ru

Abstract. The article presents the author's concept of «environmental palimpsest» as a tool for analyzing and transforming the urban environment, aimed at revealing and actualizing the multi-layered identity of post-Soviet cities. The concept is based on the urban metaphor of «city as palimpsest», which states multi-layeredness as a result of historical development. Post-Soviet cities are characterized not by dialogue but by conflict between these layers, leading to the loss of cultural, architectural and national identity. The proposed concept offers a new tool for overcoming this conflict. Its application on the example of Minsk demonstrates how the concept of «environmental palimpsest» turns conflict into a resource for revealing and constructing identity in the context of the post-Soviet socio-cultural reality.

Keywords: post-Soviet city, environmental palimpsest, urban identity, urban environment, Minsk
For citation: Zaitsev N.S., Shulika T.O. The concept of «environmental palimpsest»: the way from conflict of epochs to dialogue in a post-Soviet city (the case of Minsk). Architecture and Modern Information Technologies, 2026, no. 1(74), pp. 201-216. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2026/1kvart26/PDF/13_zaitsev.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2026-1-201-216 EDN: RZNUBA

Введение. От советского проекта к реальности постсоветского города

Советский город задумывался как архитектурное воплощение утопического замысла – идеального общества будущего. На протяжении большей части XX века он воспринимался как устойчивая идеологическая и пространственная система. Его ансамбли, площади и проспекты были материальным воплощением коллективной мечты о светлом будущем, а городская среда была сценой для советских ритуалов. С окончанием советской эпохи и вступлением в новую эта «монолитная система» теряет свои смысловые основания. Постепенно меняется отношение к городу: от образа коммунистической утопии к «месту для жизни». В обществе растёт запрос на среду иного качества, и появляется интерес к досоветскому прошлому: к локальной истории, национальной культуре и подлинной идентичности каждого из народов постсоветского пространства, ищущих свой путь в новой реальности.

Распад СССР ознаменовал не только геополитические изменения, но и мировоззренческие перемены для бывших социалистических стран и советских городов, оказавшихся в условиях новой социокультурной реальности. Постсоветский город погрузился в напряжённое противостояние между прошлым, настоящим и будущим. С одной стороны, он вынужден оглядываться на прошлое, пытаясь преодолеть идеологический вакуум путём возрождения прежней идентичности и конструирования новой. Это выражается в археологических изысканиях, реконструкции и восстановлении дореволюционных памятников архитектуры. С другой стороны, в погоне за современностью он стремится соответствовать международным стандартам, образу «современного европейского города» с небоскрёбами, комфортными общественными пространствами и культурными центрами. Однако он существует в реальности настоящего – тотальной коммерциализации и рыночной экономики, что приводит к перестройке и сносу советского архитектурного наследия в пользу сиюминутной экономической выгоды. В результате городская среда становится полем битвы трёх несовместимых стратегий, а реализация любой из них в отдельности ведёт к утрате исторической подлинности, либо функциональной актуальности, либо экономической жизнеспособности.

На этом фоне вопросы памяти, истории и самоопределения в культуре и архитектуре обретают особую остроту. Советский и российский филолог, культуролог Д.С. Лихачёв в эссе «Память» утверждает аксиому культурной преемственности: «В литературе, музыке, живописи, как и в науке, прошедшие культурные эпохи не исчезают без следа. Они остаются в качестве культурных приобретений и культурных слоёв» [1]. Эту мысль подхватывает культуролог и семиотик Ю.М. Лотман, соглашаясь, что в «вечных искусствах» прошлое сохраняется как вневременной пласт, но отмечает заметные отступления в архитектуре: «... появление Моцарта не приводит к физическому уничтожению произведений Баха, футуристы «сбрасывают Пушкина с корабля современности», но не уничтожают его книг. В архитектуре старые здания сплошь и рядом сносятся или полностью перестраиваются» [2].

Таким образом, архитектура оказывается не просто уязвимым видом искусства, а хрупким носителем культурной памяти – самым визуально ощутимым, пространственным и наглядно отражающим дух времени, а потому и наиболее подверженным физическому воздействию. Если произведения других видов искусств могут сохраняться в своём

первозданном виде, то эволюция в архитектуре способна не только обогатить её, но и безвозвратно разрушить, а вместе с ней – материальную историю и культуру. Целенаправленное уничтожение или переустройство архитектурных объектов разрывает диалог между структурами разных эпох, делая его неполным, выборочным и фрагментарным. В итоге теряются не просто здания, а звенья в цепи исторической коммуникации, без которых самоопределение общества в потоке времени лишается материальной опоры и глубины.

Двойственная природа архитектуры как материального свидетельства эпох и её уязвимость перед физическим уничтожением требует принципиально нового подхода. Чтобы преодолеть тупик противоборствующих стремлений развития постсоветского города, необходимо увидеть в нём сложный, многослойный характер. Каждая историческая эпоха оставляет в городской ткани не просто отдельный объект, но целую систему смыслов, пространственных связей и функций. В городе эпохи наслаиваются друг на друга, конкурируют между собой, взаимодействуют с разной степенью вмешательства, где-то дополняя, а где-то разрушая друг друга. Результатом таких конфликтов без общего «языка» для диалога становится не обогащение среды, а её фрагментация и постепенная утрата целостности. Следовательно, возникает потребность не только в диагностике этих конфликтов, но и в разработке методологии, предлагающей практические инструменты для восстановления диалога между эпохами.

Необходима концепция, которая бы позволила выявить и актуализировать ценности каждого исторического слоя и связала их в ясно различимые «главы»: «Далёкое прошлое», «Дореволюционный уклад», «Советский проект», «Страницы будущего» и др. Такая навигация во времени способна предотвратить стирание прошлого и, соединив разрозненные фрагменты в целостное повествование, где каждый слой вносит вклад в идентичность города, определить место и ориентиры для дальнейшего развития города в будущем.

Теоретические предпосылки: от исторической эволюции города к постмодернистским «прочтениям»

Каждая историческая эпоха обладает определёнными философскими ценностями и мировоззренческими взглядами, которые обретают материальное воплощение в архитектуре и градостроительных принципах. Эти эпохи последовательно накладываются на город, оставляя свои отпечатки, формируя последовательную многослойную структуру – пространственную хронологию. С такой позиции эволюцию городов условно можно разделить на две категории. К первой относятся «города-музеи» (Рим, Венеция, Флоренция и др.), остановившиеся в своём развитии в определённый момент времени и сохраняющие свою аутентичную планировку и объекты; при этом современные включения минимальны. Ко второй – города, обладающие разной степенью средового разнообразия: – в них городские слои накладываются друг на друга, но каждый новый пласт по-разному относится к предыдущему, вступая в сложные взаимоотношения. Эти отношения могут характеризоваться *столкновениями* (конфликтными соприкосновениями разновременных слоёв), *наслоениями* (наложением одного пласта на другой) и *интервенциями* (активным вторжением одного слоя в другой). Степень и характер подобных «вмешательств» зависят от региона и хода исторических событий.

В развитии городов условно можно выделить два противоположных сценария: эволюционный, основанный на преемственности и постепенном наслоении эпох, и революционный, при котором новый этап отрицает предыдущий, навязывая городу иную структуру. Для западноевропейских городов в большей степени характерен первый путь, а на постсоветском пространстве возобладал второй, для которого свойственно радикальное наложение одной градостроительной модели на другую. Судьба постсоветских стран, большинство из которых ранее входили в состав Российской империи, сложилась именно так: их города были преобразованы по канонам губернского города, а затем подверглись масштабной реконструкции в рамках советского периода с его

принципом «чистого листа». Вместо диалога между эпохами произошла их конфронтация на разных городских масштабах: *объекта* – здания перестраивались, надстраивались или сносились; *ткани* – новые площади и застройка накладывались на старые, вытесняя и сталкиваясь между собой; *каркаса* – каждая эпоха обладала «суперидеей» переустройства города, стремилась навязать свою систему организации пространства, площадей и символических доминант. Итогом стал **полиморфизм** (от греч. *polys* – много, *morphe* – форма, т.е. многообразный, многоморфный) – единовременное сосуществование в городе разновременных, разномасштабных и часто взаимоисключающих городских структур – «слоёв», которые игнорируют и подавляют друг друга. Полиморфизм является историческим свойством постсоветских городов и лежит в основе современного кризиса их идентичности.

Масштабное переосмысление и понимание сложности устройства города началось благодаря постмодернистскому повороту в урбанистике и архитектурной теории во второй половине XX века, ставшему ответом на кризис модернистских утопий (имеющих общие основания с советским градостроительством). Архитектурная теория, вступив в диалог с социально-гуманитарными науками, начала рефлексировать по отношению к своей истории, культурным смыслам и феноменологии восприятия, что привело к формированию множества «концептуальных фильтров» для анализа города. Наиболее значимые из них можно выразить в трёх метафорах: «город-артефакт», «город-интертекст» и «город-локус». «Город-артефакт» – типологическое прочтение, основанное на идеях А. Росси [3], представляет город как коллекцию уникальных произведений искусства, которые оставляет каждая эпоха (храмы, дворцы культуры, торговые центры и др.). Эти артефакты являются материальными свидетелями времени и носителями памяти – город приобретает контекстуальную основу. «Город-интертекст» – прочтение, развиваемое в рамках семиотики Р. Барта [4], У. Эко [5], Б. Чуми [6], Д. Фрисби [7], Ю. Лотмана [8] и др., видит город как текст, сотканный из цитат, знаков и культурных кодов: улицы, площади, фасады «читаются» горожанами-«читателями» как фразы в общем повествовании. «Город-локус» – феноменологическое осмысление, идущее от М. Хайдеггера, К. Норберг-Шульца [9], М. Хальбвакса [10], раскрывает метафизическую составляющую города как собрания уникальных мест – локусов, наделенных духом, в которых соединяются «место», коллективная память и исторические события. Эти три прочтения взаимодополняют друг друга и, будучи наложены на рассмотренную ранее материальную многослойность города, описывают разные грани одного сложного явления – «города как палимпсеста».

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова даётся следующее определение: «Палимпсест – древняя рукопись на пергаменте, написанная по смытому или соскоблённому тексту»², то есть на пергаменте, уже бывшем в употреблении, где сквозь новый текст просвечивается прежний. В философии и лингвистике начинают рассматривать тему палимпсеста: Ж. Женнет – «Пруст-палимпсест», «Палимпсесты: Литература во второй степени»; А. Корбоз – «Земля как палимпсест» и др. Одними из первых, кто размышлял о многослойности в архитектурной теории, были К. Роу и Р. Слущкий в статьях «Прозрачность» [11], «Прозрачность II» [12]. Они выделяют два типа прозрачности: буквальную и феноменальную, рассмотренные на архитектурных формах.

Постсоветский город можно рассматривать как «город-палимпсест» – это представление об устройстве города как о городе, существующем в настоящем времени в многомерном измерении, как многослойная структура, представляющая уникальное собрание артефактов разных эпох, связанных с конкретными местами и событиями, которые образуют локусы, концентрирующие коллективную память горожан и через семиотический язык транслирующие культуру. Разные исторические пласты наслаиваются друг на друга, перемешиваются, проявляются, а затем исчезают с течением времени, что приводит к их разрушению, утрате истории и идентичности. Без осознанного сохранения и прочтения уникального городского текста-палимпсеста невозможно ни подлинное понимание его прошлого, ни проектирование будущего.

² Большой толковый словарь русского языка / под ред. Кузнецова С.А. С-Петербург, 2000. 1536 с.

Концепция «средового палимпсеста»

Дискурс о городе – его ценностях, качествах и возможных проектных стратегиях, стал одним из центральных вопросов постмодернистской эпохи, волнующих не только архитекторов и урбанистов, но и всё общество в целом. Постмодернистские взгляды породили множество индивидуальных концепций развития города, связанных с практической необходимостью преодолеть модернистскую урбанистическую стагнацию и осмыслить сложные отношения между историческим и современным городом для определения дальнейших путей их развития. Наиболее заметными концепциями стали: «Аналоговый город» [3] (А. Росси), «Город-коллаж» [13] (К. Роу и Ф. Кеттера), «Город в городе» [14] (Р. Колхаса, опирающаяся на идеи О.М. Унгерса), «Город-мегаструктура» (Superstudio) и др. Анализ теоретических положений и практических инструментов этих концепций приводит к выводу, что понимание устройства города как палимпсеста может выйти за рамки описательной метафоры и претендовать на роль проектной концепции целенаправленной трансформации городской среды. Ключевые принципы рассмотренных теорий можно интерпретировать с позиции палимпсеста и сформулировать **теоретические условия его осуществления**:

1. *Связь «места-памяти-духа»* (принцип «Аналогового города») – необходимо выявить, обнажить и воссоздать смысловое содержание каждого слоя.
2. *Транспарентность* (принцип «Коллажного города») – каждый городской слой должен быть определён в той степени, которая необходима для понимания общей картины их взаимосвязи.
3. *Сосуществование* (принцип «Города в городе») – обеспечение эстетического и функционально гармоничного сосуществования разновременных слоёв в едином пространстве.
4. *Повествование* (принцип «Город-мегаструктура») – каждый городской слой должен быть проявлен до степени читаемости для того, чтобы «заговорить», создавая связанное повествование между эпохами.

Многие постмодернистские идеи нашли практическое воплощение, изменив облик ряда европейских и отечественных городов. Например, «критическая реконструкция» легла в основу возрождения центра Берлина, опыт программ развития Роттердама демонстрирует обращение к преемственности, переосмыслению исторического контекста и другим принципам постмодернизма. Сегодня всё больше городов используют схожие подходы, адаптируя их к локальным условиям.

Палимпсест и работа с многослойностью как формальный метод в архитектуре получили широкое практическое распространение в эпоху постмодернизма. Это заметно в творчестве Б. Чуми, который использует палимпсест как приём деконструкции контекста (в проектах «Транскрипции Манхэттена», парк Ла-Виллет в Париже, Новый музей Акрополя в Афинах и др.), и П. Эйзенмана, развивающего его как инструмент феноменологической прозрачности и обращения к вопросам памяти, уважения к месту и исторической преемственности (Центр визуальных искусств Векснера, Мемориал Холокоста в Берлине, Город культуры Галисии и др.). Палимпсест утвердился как проектный метод, основанный на принципе наложения и взаимодействия материальных элементов и метафизических смыслов. Исследователи, в частности Д.В. Бакшутова, отмечают, что на смену практике «забвения» приходит память, становящаяся основой архитектурного проектирования [15].

Современные методы и инструменты позволяют раскрыть многослойность, но практическое воплощение идеи палимпсеста – сложная задача: прямолинейный подход может предполагать масштабные архитектурные и градостроительные вмешательства, способные приводить к новым конфликтам. Более эффективной альтернативой может быть обращение к деликатным методам архитектурного дизайна и средового искусства. Их инструменты, действуя точно и избирательно, способны глубоко затрагивать эмоциональный уровень восприятия, создавая атмосферу и смысловые связи. Для этого выбираемые инструменты должны соответствовать **практическим принципам создания** палимпсеста, основанным на проектном опыте:

1. *Сохранение подлинности* – раскрытие и сохранение подлинных фрагментов прошлого для «честного» проявления слоя.
2. *Преемственность* – обеспечение связи между эпохами, реализуемое от прямого цитирования (анастилоза) до современных интерпретаций при новом строительстве.
3. *Демонстрация изменений* – визуальное выявление наслоений, подчеркивание контрастов и переходов между разновременными состояниями объектов и городских тканей, что придаёт глубину исторического духа и времени.
4. *Актуализация памяти* – возрождение, пробуждение истории и утраченных смыслов, и их интеграция в современный город.

Для города «палимпсест» как метафора, которая описывает факт многослойности и констатирует процесс исторических наслоений, является прежде всего аналитическим описанием его устройства. Для перехода от анализа к проектной практике необходимо посмотреть на палимпсест с позиции средового подхода. Согласно К.В. Кияненко, данный подход структурирует междисциплинарное знание о среде, где фокус смещается с объекта на целостную систему взаимосвязей между человеком, архитектурной формой и пространственным контекстом [16]. Синтез средового подхода с ранее рассмотренными теоретическими условиями осуществления и практическими принципами создания палимпсеста позволяет сформулировать его методологический аппарат (рис. 1) и говорить о **«средовом палимпсесте» как проектной концепции**, которую можно сформулировать следующим образом:

Основываясь на открытиях постмодернистской эпохи, с помощью средств архитектурного дизайна, можно сохранить и выявить утраченные артефакты, локусы, память и дух в ходе произошедших наслоений, столкновений и интервенций разновременных слоёв городской среды. Условием реализации этих преобразований должна стать визуальная и феноменальная прозрачность, при которой все слои в той или иной степени станут видимы, сохраняя своё значение для целостного восприятия городской среды. С помощью средового искусства можно создать символические переходы, замедления или ускорения времени тех изменений и наслоений, которые иначе проходят незамеченными, будучи слишком неспешными или слишком мгновенными. Таким образом, можно создать последовательность, путь, раскрывающий и соединяющий исторические слои города, что предоставляет возможность прочтения «города в городе» [17].

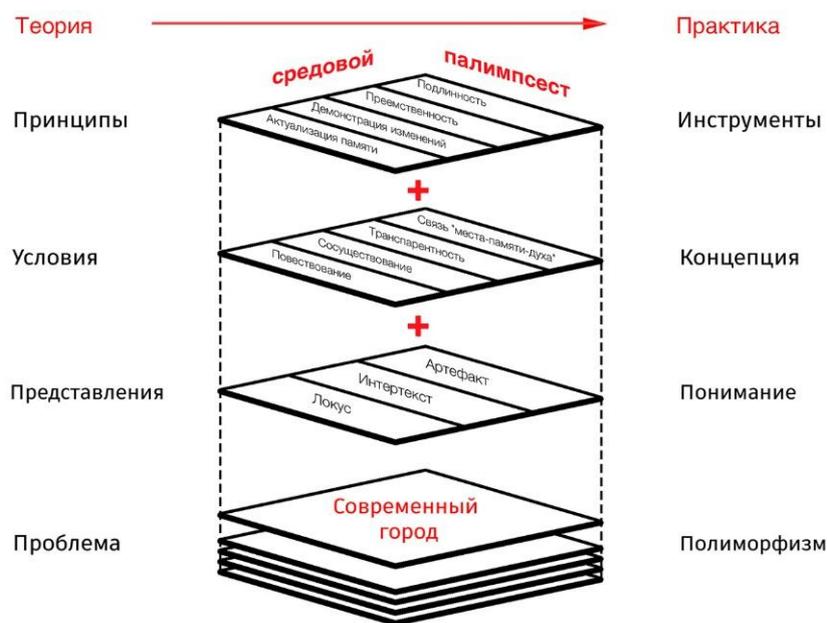

Рис. 1. Понятийный аппарат концепции «средового палимпсеста»

Для того чтобы концепция «средового палимпсеста» стала рабочим инструментом, необходима конкретная методология действий по работе с городской средой. Она представлена в виде универсального алгоритма, адаптируемого к условиям конкретного города и состоящего из двух взаимосвязанных частей – исследовательской (диагностика и создание «карты средового палимпсеста») и проектной (реализация преобразований):

1. *Архитектурно-средовые исследования*

Цель – исследовать городские слои, оставленные каждой эпохой, для выявления утраченных объектов и определения степени изменений, существующих в разных масштабах: объектном (здания, сооружения, монументы и др.), ткани (площади, кварталы, парки и др.) и городском каркасе (планировочная структура). Для этого применяются различные методы средового анализа: типологический (анализ морфотипов для выявления характерных объектов времени); семиотический (сценарный анализ пространства для выявления городских сценариев и связанных с ними пространств); феноменологический («полевые» опросы, интервью и построение ментальных карт для выявления «мест грёз», локальных традиций и неформальных центров горожан) и др.

2. *Составление карты «средового палимпсеста»*

На основе проведенных исследований создаются исторические модели городов, которые накладываются друг на друга и сравниваются с современным состоянием. Результатом является карта «средового палимпсеста». По ней можно проследить места утрат, столкновений и наслоений, нуждающиеся в сохранении, проявлении или воссоздании.

3. *Применение методов архитектурного дизайна к каркасу, ткани и элементам города*

На основе карты, после определения мест концентрации последствий полиморфизма с учётом выделенных принципов палимпсеста, разрабатываются проектные интервенции. Инструменты архитектурного дизайна применяются избирательно на трёх уровнях для гармонизации выявленных конфликтов.

4. *Создание средового маршрута-повествования*

Завершающим шагом становится применение средового искусства для создания маршрута рассказа-биографии города, который свяжет городские слои и позволит «прочитать» город как связанный текст.

Концепция «средового палимпсеста» – это синтез аналитической метафоры «город как палимпсест» и проектной методологии со средовым подходом, цель которой – преобразовать конфликтную многослойность (полиморфизм) постсоветского города из проблемы в основу для формирования подлинной и устойчивой городской идентичности.

Апробация концепции. «Прочтение» средового палимпсеста Минска

Рассмотрим практическое применение концепции и алгоритма «средового палимпсеста» на примере Минска, который всегда находился на перекрёстке разных культур, вер и традиций. В XX веке его жители говорили на четырёх разных языках: белорусском, польском, русском и идише. Для Минска характерен ярко выраженный «восточноевропейский полиморфизм»: став губернским городом Российской империи, он претерпел значительные изменения в городской структуре; в советское время он стал одним из немногих городов, в котором были воплощены принципы советской утопии строительства идеального «города Солнца»; сегодня он пребывает в состоянии противоречий и сложностей, характерных для постсоветского города. Исторические трансформации неизбежны, но проблема возникает тогда, когда они ведут к значительным утратам, обрывая нить, связующую настоящее с прошлым. Минск представляет собой идеальную «лабораторию» для апробации концепции, цель которой – превратить конфликтный полиморфизм из проблемы в ресурс, позволяющий выявить пласты памяти и сконструировать новую идентичность через диалог эпох.

Для реализации первой исследовательской части, согласно алгоритму, необходимо провести «диагностику» городской среды Минска. В её основу были положены четыре выделенных основных исторических периода, сформировавшие архитектурно-планировочные слои города: славянский город, город времён ВКЛ (Великого Княжества Литовского) и РП (Речи Посполитой), губернский город Российской империи и советский город. К каждому из этих периодов были применены взаимодополняющие средовые исследования, что позволило перейти от истории к построению четырёх пространственных моделей.

Анализ морфотипов. Данный метод, основанный на типологических исследованиях А.Э. Гутнова и А. Росси, направлен на выделение характерных архетипических объектов каждого периода, выступающих материальными «артефактами» своей эпохи. На основе изученных архитектурных и исторических источников были систематизированы доминирующие типы сооружений: от культовых (костёлы, церкви, синагоги и др.) и оборонительных сооружений ранних этапов (городские ворота, замковая гора и др.) до объектов советского периода (монументы В.И. Ленину, дворцы культуры, жилые монументальные комплексы и др.).

Сценарно-пространственный анализ. Опираясь на работы Б. Чуми, этот анализ позволяет определить ключевые общественные пространства на основе функциональных сценариев разных эпох. Изучение планов, карт и фотографий, архивных материалов позволило выявить систему городских тканей – площадей. Например, в Минске в период ВКЛ и РП чётко прослеживается деление города на «Верхний город» с доминирующей Ратушной площадью, от которой отходят четыре улицы к городским воротам, и «Нижний город», наследующий средневековую структуру с рыночной площадью и Замковой горой. Анализ показал не только смену застройки, но и смену сценариев городской жизни, закреплённых в пространстве.

Феноменологический анализ. Для понимания современного восприятия города были проведены исследования по К. Линчу – через опросы, интервью и построение ментальных карт жителей разных поколений. Фокус исследования был направлен на изучение ключевых точек притяжения, маршрутов и выявление «слепых зон» в восприятии города. Были разработаны две группы вопросов в зависимости от возраста респондентов и опрошено около 30 человек. Ментальные карты показали разрыв между существующей многослойностью и её восприятием: старшее поколение воспринимает город более целостно, но в основном делает акцент на советском городе, в восприятии молодёжи город фрагментарен. Этот разрыв является материалом для проектных вмешательств.

Результатом исследовательской части стало объединение проведённых анализов в четыре историко-пространственные модели Минска (рис. 2), соответствующие выделенным периодам. Их последующее наложение и сопоставление с актуальным состоянием среды позволило сформировать «карту средового палимпсеста Минска» для центральной части города. На ней наглядно видны зоны столкновений, интервенций и наслоений разновременных слоёв, а также утраченные артефакты прошлого (рис. 3). Карта выявила три ключевых фрагмента в историческом ядре Минска, требующих особого внимания и представляющих наибольший интерес для апробации концепции на трёх средовых уровнях:

1. *Объектный* уровень: место последовательной трансформации – костёл Святого Войцеха / Преображенская церковь / клуб пиццевиков им. И.В. Сталина / кинотеатр «Победа».
2. Уровень *ткани*: утрата Замковой горы (Минского Замчища).
3. Уровень *каркаса*: утрата площади и структуры Нижнего города.

Рис. 2. Историко-пространственные модели Минска

Рис. 3. Карта среднего палимпсеста центральной части Минска с обозначением ключевых исторических слоёв и участков апробации

Объектный уровень – место памяти: «Костёл Святого Войцеха – Преображенская церковь – Клуб пиццевиков имени И.В. Сталина – Кинотеатр «Победа»»

Участок на пересечении улиц Интернациональной и Комсомольской представляет собой уникальный палимпсест: барочный костёл (XVII в.), который перестраивался в православную церковь (XIX в.), в конструктивистский клуб (1920-е гг.), а в послевоенные годы частично вошёл в состав кинотеатра (рис. 4). Сегодня это частично незастроенное пространство, о сложной истории которого знают лишь единицы.

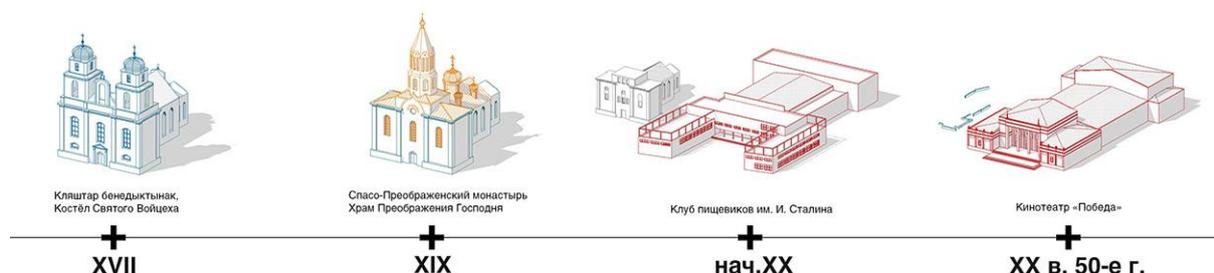

Рис. 4. Этапы трансформации объекта апробации

Концепция средового палимпсеста позволила (рис. 5):

- проявить подлинные фрагменты – экспонировать остатки фундамента костёла, абрис стен обозначен в мощении;
- визуализировать утраченные слои и произошедшие изменения – каркасная интерпретация западной башни костёла и православной колокольни отражает феноменальную прозрачность;
- обеспечить преемственность – конструктивистские формы клуба интерпретированы в МАФы, возвращён монастырский сад;
- актуализировать память – «удаление» фрагмента нового здания прокуратуры на месте его вторжения в костёл становится эмоциональным акцентом, подчёркивающим драматизм исторических наслоений.

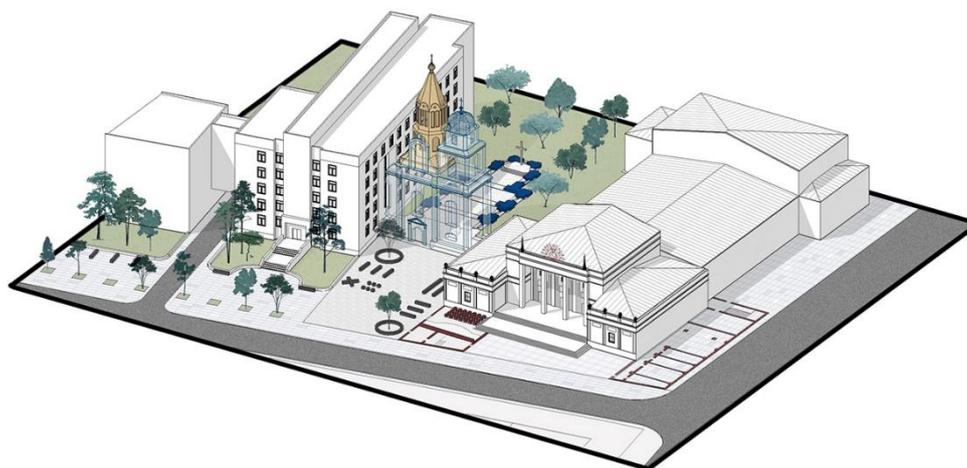

Рис. 5. Аксонометрия «места памяти» после применения инструментов концепции

В результате «не место» обрело утраченное содержание. Проявленные слои вступают в диалог, обеспечивают соединение «места – памяти – духа», транспарентность, сосуществование и диалог. Так, через историю одного «места», можно прочесть биографию всего города (рис. 6).

Рис. 6. Результат объектной трансформации «Место памяти»

Уровень ткани и каркаса: археологический парк «Замковая гора» и воссоздание структуры Нижнего города

Замковая гора (место основания Минска) и главная площадь «Нижнего города» – Нижний рынок, служившая связующим звеном исторических предместий, формировали первоначальное ядро города. В советское время оба фрагмента были утрачены: Замчище скрыто при прокладке Парковой магистрали, а площадь частично застроена и лишена планировочных связей (рис. 7).

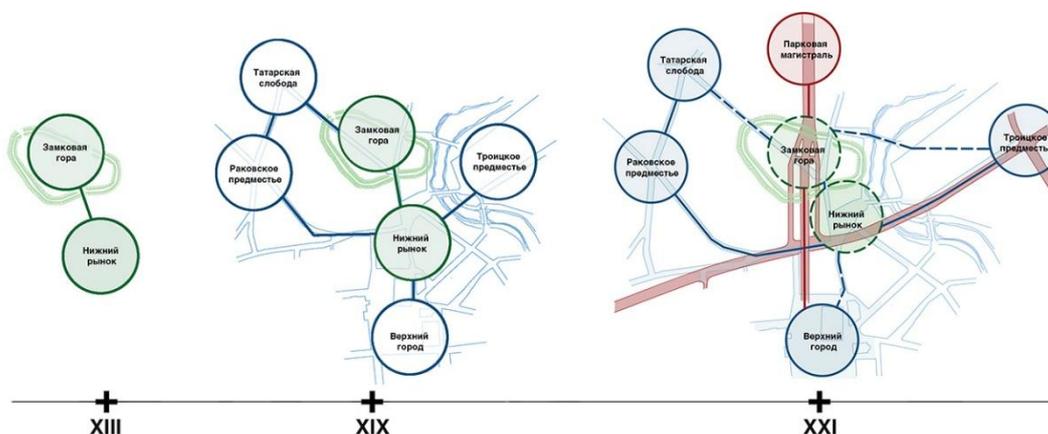

Рис. 7. Схема развития городских пространств исторической части Минска

Концепция средового палимпсеста позволила (рис. 8):

- проявить подлинные слои – создать археологический парк с экспонированием остатков детинца и замковой церкви;
- обозначить утраченные границы – пешеходная эспланада воспроизводит контур Замковой горы, въездные ворота интерпретированы зеркальными объёмами;
- воссоздать структуру каркаса – площадь Нижнего рынка восстановлена в исторических границах, обозначены направления отходивших улиц, восстановлены пешеходные связи с предместьями;
- актуализировать память – бывшее здание «Трудовых резервов» становится музеем истории города, а инсталляции на площади рассказывают историю места.

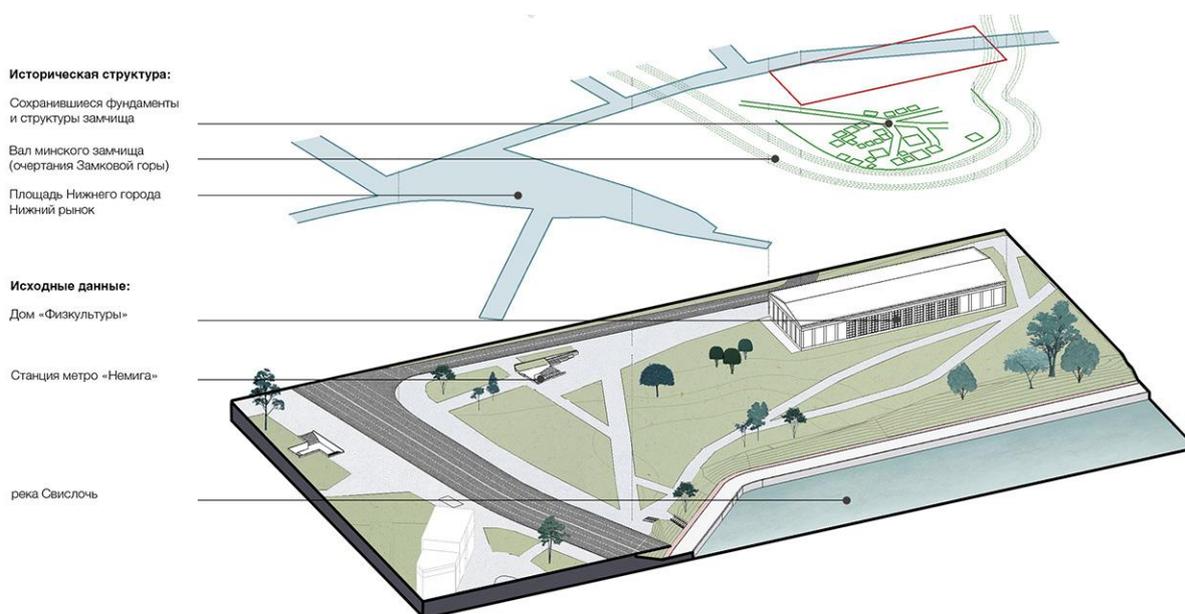

Рис. 8. Аксонометрия наложения исторической структуры «Нижнего города» на современное состояние

Память места, долгое время скрытая под наслоениями советского города, получила материальное воплощение, связав фрагменты старого и современного Минска. Разрозненные части исторического центра объединены в единую структуру-повествование, где первая глава «Замковая гора» вновь становится точкой отсчёта городской идентичности (рис. 9).

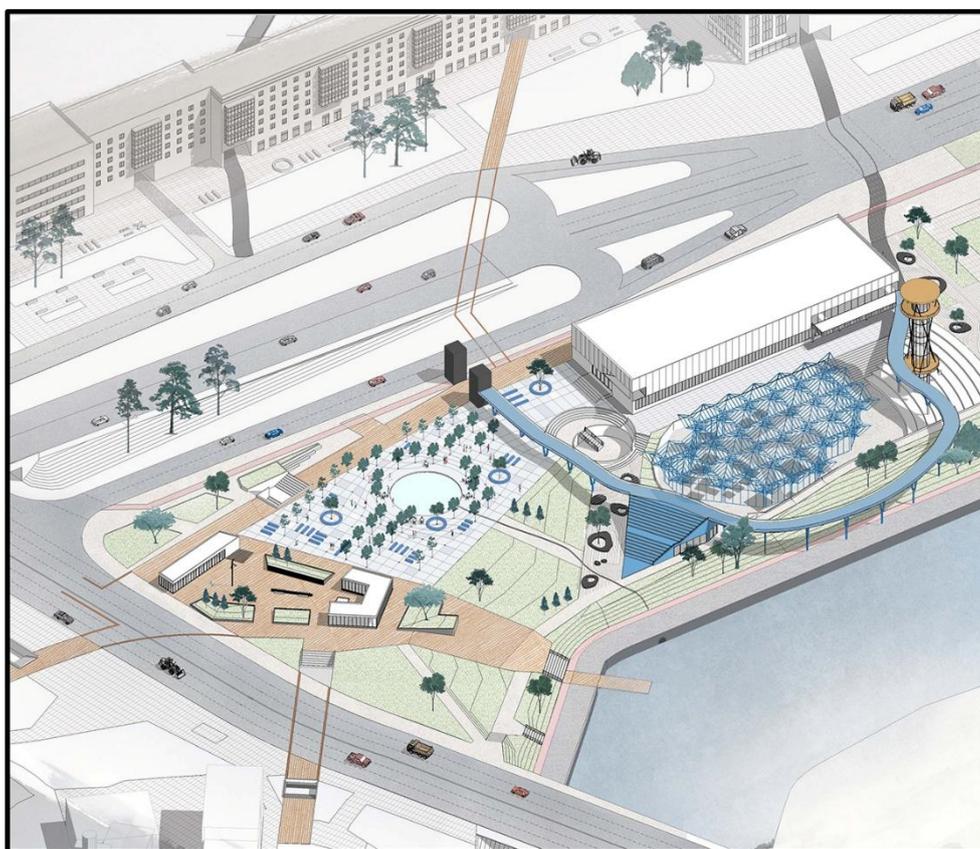

Рис. 9. Аксонометрия палимпсеста ткани и каркаса «Нижнего города»

Маршрут средового путешествия

На основе «карты средового палимпсеста» и после ряда средовых вмешательств появляется возможность для создания маршрута средового путешествия «в городе – между городами», раскрывающего многослойную историю города. Для Минска был разработан маршрут, представляющий собой кольцо, не имеющее фиксированного начала. Следовательно, начинать движение можно с любой точки, так как исторические слои не следуют хронологии, а наслаиваются и взаимопроникают друг в друга. На стыках эпох созданы инсталляции средовых переходов, а в узловых точках каждого слоя размещены средовые акценты, передающие дух времени. Маршрут превращает город в связанное повествование, доступное для «прочтения» жителям и гостям города (рис. 10).

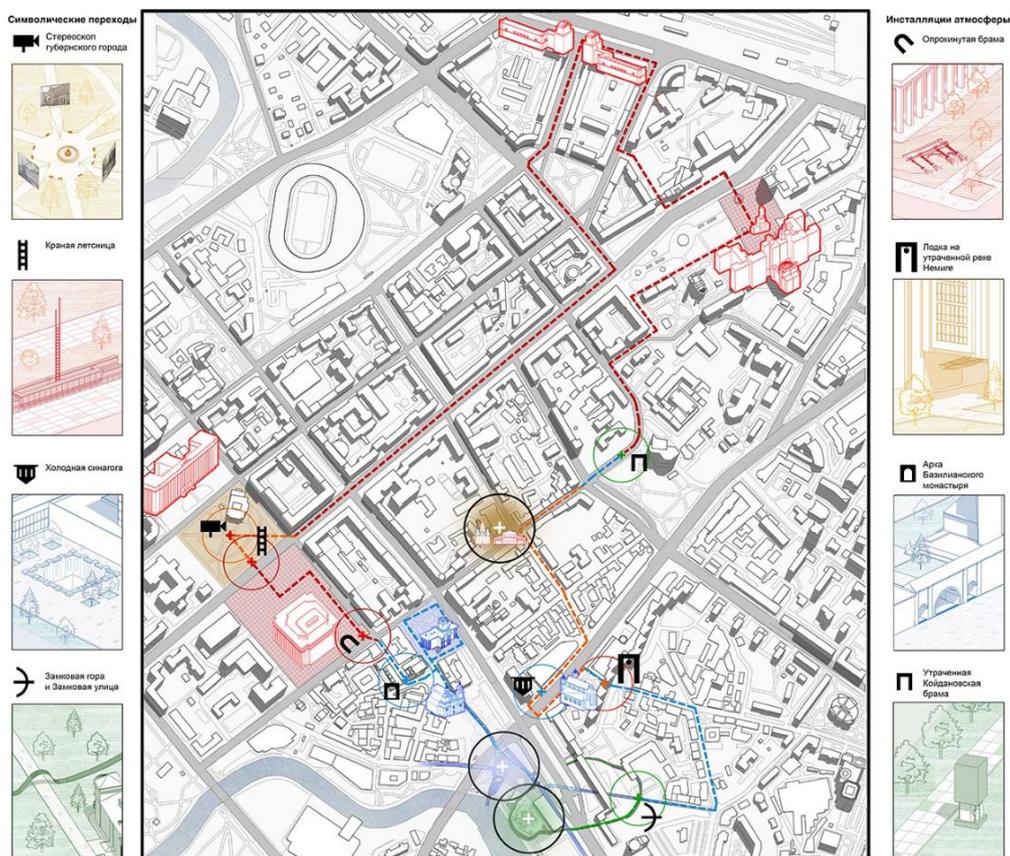

Рис. 10. План маршрута средового путешествия

Заключение

Концепция «средового палимпсеста» предлагает иной взгляд на постсоветский город, рассматривает его конфликтную многослойность не как проблему, а как ресурс для формирования подлинной идентичности. Разработанный алгоритм, объединяющий архитектурно-средовые исследования, построение карты городского палимпсеста и последующие проектные интервенции на уровнях объекта, ткани и каркаса, превращает следы прошлого в связанное, «честное» пространственно-временное повествование. Для постсоветских городов, которые находятся в попытках осмысления старого и конструирования новых смыслов, концепция открывает путь работы со «сложным» и исчезнувшим наследием. Кроме того, она открывает перспективы для дальнейших исследований, в частности для работы с советским слоем, где палимпсест может стать диалогом, связывающим прошлое и сегодняшнюю социокультурную реальность. Средовой палимпсест выступает не только способом сохранения прошлого, но и стратегией проектирования будущего, основанной на уважении к сложности и многослойности городов.

Источники иллюстраций

Рис. 1-10. Рисунки и схемы выполнены авторами [17].

Список источников

1. Лихачёв Д.С. Память // Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. Москва: Российский фонд культуры, 2006. 210 с.
2. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство, 2000. С. 613-615.
3. Росси А. Архитектура города. Москва: Strelka Press, 2015. 264 с.
4. Barthes R. The Eiffel Tower; trans. Richard Howard. New York: Hill & Wang, 1979. P. 3-17.
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию; перевод А.Г. Погоняйло, В.Г. Резник. Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
6. Barthes R. The Pleasure of the Text. New York: Hill & Wang, 1975. 80 p.
7. Фрисби Д. Разрушение города: социальная теория, мегаполис и экспрессионизм // Логос. 2002. № 3(4). С. 1-33.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Москва: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
9. Norberg-Schulz C. Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. New York: Rizzoli, 1979. 213 p.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти; пер. с фр. С. Н. Зенкина. Москва: Новое изд-во, 2007. 348 с.
11. Rowe C., Slutzky R. Transparency: Literal and Phenomenal // Perspecta. 1963. No. 8. P. 45–54.
12. Rowe C., Slutzky R. Transparency: Literal and Phenomenal...Part II // Perspecta. 1971. No. 13/14. P. 278–301.
13. Роу К., Кеттер Ф. Город-коллаж. Москва: Strelka Press, 2018. 208 с.
14. Колхас Р. Нью-Йорк вне себя: Ретроактивный манифест Манхэттена / Р. Колхас. Москва: Strelka Press, 2013. 336 с.
15. Бакшутова Д.В. Подходы к выражению феномена памяти в новейшей архитектуре // Архитектон: известия вузов. 2021. № 1(73). URL: http://archvuz.ru/2021_1/1/ (дата обращения: 22.01.2026).
16. Кияненко К.В. Круг средового знания и его сегментация в теории архитектуры // Академия архитектуры и строительства. 2019. № 3. С. 44-50.
17. Зайцев Н.С. Концепция «средового палимпсеста» как инструмент проявления и сохранения городской идентичности постсоветских городов (на примере Минска): магистерская диссертация: 07.04.01 – Архитектура / науч. рук. Т.О. Шулика. Москва: МАРХИ, 2025.

References

1. Likhachev D.S. *Pamyat'* [Memory]. Moscow, 2006, 210 p.
2. Lotman Y.M. *Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii* [Memory in Cultural Perspective]. Saint Petersburg, 2000, pp. 613-615.
3. Rossi A. *Arkhitektura goroda* [The Architecture of the City]. Moscow, 2015, 264 p.
4. Barthes R. The Eiffel Tower; trans. Richard Howard. New York, Hill & Wang, 1979, pp. 3-17.
5. Eco U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [La struttura assente. Introduzione alla ricerca semiologica]. Saint Petersburg, 1998, 432 p.
6. Barthes R. The Pleasure of the Text. New York, Hill & Wang, 1975, 80 p.
7. Frisby D. *Razrushenie goroda: sotsial'naya teoriya, megapolis i ekspressionizm* [The Metropolis as Text: Otto Wagner and Adolf Loos]. Logos. 2002, no. 3(4), pp. 1-33.
8. Lotman Y.M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Within Thinking Worlds]. Moscow, 1996, 464 p.
9. Norberg-Schulz C. *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. New York, Rizzoli, 1979. 213 p.
10. Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Les cadres sociaux de la mémoire]. Moscow, 2007, 348 p.
11. Rowe C., Slutzky R. Transparency: Literal and Phenomenal. *Perspecta*, 1963, no. 8, pp. 45-54.
12. Rowe C., Slutzky R. Transparency: Literal and Phenomenal... Part II. *Perspecta*, 1971, no. 13/14, pp. 278-301.
13. Rowe C., Koetter F. *Gorod-kollazh* [Collage City]. Moscow, 2018, 208 p.
14. Koolhaas R. *N'yu-York vne sebya: Retroaktivnyi manifest Mankhetena* [Delirious New York: A Retroactive Manifesto for Manhattan]. Moscow, 2013, 336 p.
15. Bakshutova D.V. Approaches to expressing the phenomenon of memory in contemporary architecture. *Arkhitekton: Proceedings of Higher Education Institutions*, 2021, no. 1(73). URL: http://archvuz.ru/2021_1/1/
16. Kiyanencko K.V. *Krug sredovogo znaniya i ego segmentatsiya v teorii arkhitektury* [The circle of environmental knowledge and its segmentation in the theory of architecture]. Academy of Architecture and Construction, 2019, no. 3, pp. 44-50.
17. Zaitsev N.S. *Kontseptsiya «sredovogo palimpsesta» kak instrument proyavleniya i sokhraneniya gorodskoi identichnosti postsovetskikh gorodov (na primere Minska)* [The concept of "environmental palimpsest" as a tool for revealing and preserving the urban identity of post-Soviet cities (the case of Minsk) Master's thesis, qualification Master in Architecture]. Moscow, MARCHI, 2025, 125 p.

ОБ АВТОРАХ**Зайцев Никита Сергеевич**

Аспирант кафедры «Дизайн архитектурной среды», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

ticketless18@gmail.com

Шулика Татьяна Олеговна

Кандидат архитектуры, профессор, заведующая кафедрой «Дизайн архитектурной среды», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

shulika-taf@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS**Zaitsev Nikita S.**

Postgraduate Student of the Department «Design of the Architectural Environment», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

ticketless18@gmail.com

Shulika Tatyana O.

PhD in Architecture, Professor, Head of the Department «Design of the Architectural Environment», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

shulika-taf@yandex.ru